

Работа – в Первой городской, а отпуск – на передовой

И. о. главного врача Первой городской клинической больницы имени Е. Е. Волоевич Алексей Попов уже полтора года уходит в отпуск в зону СВО

Наталья ЕРЁМИНА

С декабря 2023-го он берет положенные дни отдыха и проводит их за операционным столом в лечебницах в зоне специальной военной операции. Мы встретились с Алексеем Анатольевичем, чтобы узнать, что заставляет практикующего хирурга, руководителя одной из крупнейших больниц областного центра раз за разом и за свой счет отправляться на линию боевого соприкосновения.

ОТПРАВНАЯ ТОЧКА – АВДЕЕВКА

– Алексей Анатольевич, расскажите, как все началось?

– С момента старта спецоперации, то есть с февраля 2022 года, у меня была мысль о том, что мы как хирурги должны принять непосредственное участие в оказании помощи нашим бойцам. То есть, во-первых, я уже 22 года отработал практикующим хирургом, а во-вторых, моя специализация, в том числе и экстренная патология, – травмы живота, грудной клетки, конечностей. Поэтому очень хотелось оказывать помощь в рамках своей компетенции. Но в связи с тем, что на тот момент у меня были определенные ипотечные обязательства, я не мог рискнуть.

Мы с женой договорились, что, как только закроем кредит, я отправлюсь на передовую. И так получилось, что 1 декабря 2023 года мы расплатились с банком, а 6 декабря я уже был «за лентой» в ходе Авдеевской наступательной операции, активная фаза которой началась 15 октября того же года.

– Что-то подтолкнуло, стало неким ключевым лейтмотивом?

– Сперва полное осознание того, что страна воюет, поэтому мы должны мобилизовать все силы для того, чтобы помочь нашим бойцам максимально вернуться в строй.

Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский однажды сказал: «Войну мы выиграли ранеными...» На самом деле так и есть: главная задача – как можно больше оказывать помощи раненым ребятам и приближать нашу общую победу. Ну а последней каплей и самым решительным побуждающим фактором стало то, что в октябре 2023 года за операционным столом погиб заведующий травматологическим отделением одной из донецких больниц. Он 72 часа простоял за столом и просто не выдержал: погиб от элементарной тромбозмболии.

Я понял, что интенсивность работы там очень высокая, надо дать возможность коллегам хотя бы немного отоспаться, чтобы были другие руки на замену: ассистенты, операторы. Параллельно удалось договориться, чтобы меня приняли, и 6 декабря я уже был на месте.

■ С Александром Ходаковским, военным и политическим деятелем Донецкой Народной Республики, декабрь 2023 года, Донецк.

ФОТО ИЗ АРХИВА АЛЕКСЕЯ ПОПОВА

5,5 КИЛОМЕТРА ОТ ЛИНИИ ОГНЯ

– Сразу приступили к делу?

– Да, поработал в одной из больниц на западе Донецка. Там мы лечили парней из подразделения «Шторм-З». Она находилась в пяти с половиной километрах от линии боестолкновения. Поэтому если шел какой-то бой, то военнослужащих привозили сразу же к нам.

Мы оказывали помощь при разных видах ранений – например, пострадавшим от атаки дронов, подорвавшимся на минах, также было три процента парней, получивших огнестрельные ранения.

– Чисто по-человечески не было страшно?

– Было страшно прежде всего решиться и поехать. Мы видели в соцсетях, что происходит, знали о прилетах по мирным объектам, автобусным остановкам и госпиталям. Спустя сутки, как мы уехали, в нашу больницу тоже прилетела кассетная бомба.

К счастью, она просто вошла в холл и не взорвалась, а до этого были и более страшные прилеты. Например, 152-миллиметровых снарядов. Потом я много раз думал, что при поездках в Донецк, конечно, есть определенный элемент опасности. Но не ехать было уже невозможно – из-за числа раненых ребят, которых надо спасать.

К тому же решение принято, и надо работать, ведь рядом находятся коллеги, которые делают это уже три года в гораздо более жестких условиях. То есть вариантов не оставалось. И когда ответственные работники минздрава ДНР спросили: «Куда вы хотите – в тыловой госпиталь или поближе к фронту?» – я сказал, что максимально ближе к линии боевого соприкосновения для оказания помощи бойцам.

– Столкнулись с обстрелами?

– Да, тогда в декабре в Донецке украинцы попали снарядами в нефтебазу. Была ночь, то есть представьте: абсолютно черное небо наполовину озаряется горящими огнями. Появилось ощущение, что

То есть до четырех-пяти утра шли операции, а в семь-восемь – снова подъем и новые операции.

– А как была выстроена транспортировка раненых?

– Логистика была достаточно четкая: всех пациентов мы в дальнейшем эвакуировали в Ростов. Единственное, для более точной диагностики мы привезли лапароскопический набор – специальное оборудование, позволяющее без больших разрезов проводить диагностику повреждения органов брюшной полости.

– Когда это случилось?

– В феврале 2024 года, когда я отправился в зону СВО во второй отпуск и как раз завершалась Авдеевская операция. Мы стали свидетелями применения КАБов (корректируемых авиационных бомб) по объектам, но работы, как ни странно, нам прибавилось. И мы уже оперировали не до четырех утра, как в предыдущий раз, а вплоть до семи утра. В таком режиме отработал девять суток – и назад.

– И каждый раз отпрашивались с основного места работы?

– Конечно, нет. Просто уходил в свои обычные трудовые отпуска. Отпуск закончился – вернулся на работу в Архангельск.

ВРАЧ-ВОЛОНТЕР

– И постепенно вы решили стать еще и волонтером?

– Да, пришло осознание, что помимо хирургической и врачебной помощи надо помогать и общественной работой. Так, мы с коллегами передали участникам спецоперации три автомобиля: два УАЗа и одну «Волгу». Потом нала-

дился контакт с волонтерскими организациями, архангельским Народным фронтом, и сейчас, уже в апреле 2025 года, я вновь побывал в девятидневной поездке «за ленту» с нашими земляками.

Мы объехали ДНР, Херсонскую и Запорожскую области, я поработал и хирургом в том же отдельном медицинском батальоне, и в составе гуманитарной миссии.

– Как встречают наших медиков?

– Принимают радушно, и помощь им, конечно же, очень нужна. Кстати, на мой взгляд, местные врачи и сами прекрасно справляются с поставленными задачами, но, учитывая интенсивность работы, нужно совместными усилиями снижать эту нагрузку, ведь есть специалисты, которые находятся на передовой по несколько лет, поэтому надо дать им возможность хотя бы небольшого перерыва на отдых.

– А что можете сказать про уровень оказания медицинской помощи в зоне СВО?

– Он достаточно высокий. Качество оказываемой помощи очень достойное, и, к счастью, интенсивность загрузки врачей сейчас несколько снизилась. Уменьшается и число раненых. Это связано с тем, что фронт отошел от Донецка почти на 30 километров, 152- и 155-миллиметровые снаряды прилетают реже. Для мирного населения создают угрозу поражающие элементы «Хаймарсов» (американская реактивная система залпового огня «Атакамс»). Что касается характера травм среди бойцов, то сейчас это в основном то же самое, что было в мои предыдущие командировки: процентов 97 – минно-взрывные ранения, ампутации и осколочные травмы.

очень многие вещи от тебя попросту не зависят.

– Что было дальше?

– Я передислоцировался в отдельный медицинский батальон, который занимался лечением раненых бойцов ВС РФ, и в течение двух недель отработал там. Темпы наступления были довольно масштабные, как и сам фронт: поступали десятки раненых в сутки.

«Основная задача – сберечь личный состав и вернуть в строй максимальное количество бойцов»

■ Первая лапароскопия в отдельном медицинском батальоне Донецка, февраль 2024 года. Технику привезли в дар из Архангельска

ОСТАТЬСЯ В СТОРОНЕ НЕВОЗМОЖНО

– А как ваши родные относятся к таким вот «отпускам»?

– В первые две поездки я говорил, что еду в Ростовский тыловой госпиталь. В принципе не соврал, а слегка недоговорил: ведь мы через Ростов заходили в ДНР. Ну а сейчас, конечно, переживают.

В третью поездку все морально собрались: и родители, и семья, видно было, что волнуются, уже меньше высказывают какие-то моменты, потому что все понимают, для чего это делается. По-другому никак, остаться в стороне невозможно.

– Может быть, у вас есть родственники там, где идут боевые действия?

– У меня дед из Львовского района Курской области. Это как раз пограничная зона, где сейчас были остановлены вражеские войска, которые на девять месяцев зашли на нашу территорию. Если бы мне еще лет пять назад сказали, что на

нашей территории будут стрелять натовские войска, я ни за что бы не поверил.

Это говорит о том, что сегодня есть потребность и в медицине, и в волонтерстве. И здесь я хочу подчеркнуть, что представители нашего Минобороны большие молодцы, все, что могут, они делают. Тем не менее остаются точки приложения сил для работы общественных организаций.

Мы обязаны помогать нашим бойцам, ведь это реально спасает им жизни!

– И какая гуманитарная помощь наиболее востребована сегодня?

– В первую очередь маскировочные сети, дроны, детекторы БПЛА, средства РЭБ, противодроновые ружья, автомобили – все это вопрос выживания наших ребят.

РАБОТА НЕ ДЛЯ СЛАБОНЕРВНЫХ

– А была какая-то операция, которая особенно запомнилась?

– Как правило, это достаточно типовые операции. Но был один случай: когда заканчивалась операция в Авдеевке, мне пришлось сделать ампутацию голени коллеге-фельдшеру.

С декабря 2023-го по февраль 2024-го он ежедневно привозил нам бойцов с поля боя, но потом, к сожалению, сам подорвался на mine. Молодой красивый парень – и говорит: «Никогда не думал, точнее – гнал от себя эти мысли, что сам окажусь на операционном столе». Для меня это было очень тяжело психологически: еще вчера он приезжал к нам здоровый, а сейчас лежит без голени.

Второй случай – когда наша бригада выехала сопровождать раненого в один из госпиталей Донецка, потому что нейрохирургическую помощь мы не оказывали, и мы стали свидетелями обстрела из «Градов» (реактивная система залпового огня. – Прим. авт.), поэтому нам пришлось оперативно оказывать помощь гражданским. Там были, к сожалению, и ампутации конечностей.

Для нас оказывать помощь мирному населению было психологически гораздо сложнее, потому что одно дело оперировать мотивированного бойца, который понимает, что он штурмовик, а другое – гражданских людей, которые просто стояли на остановке в ожидании транспорта. Одна из пациенток приехала из Южно-Сахалинска увидеться со своим мужем и, не дождавшись его, получила тяжелейшие ранения. Она выжила, но осталась инвалидом, это очень печально.

– А что говорят бойцы после операции?

– Конечно же, спасибо. Все военнослужащие, даже бойцы, находящиеся в шоке, потому что получили от одного до 30 осколков, просто искренне благодарят. И те, кто

Многим моим пациентам всего 22–23 года, они годятся мне в сыновья, и я не знаю, как бы сам повел себя в их возрасте. В 20 лет смог бы я выйти из окопа? Не факт. Но они – сильные духом люди

■ С Юлией Чичериной, апрель 2025 года, госпиталь Донецка

направляется на эвакуацию в Ростов и в центральные клиники, подчеркивают, что их мотивация – вернуться в строй, к своим сослуживцам – руководителям взвода, роты, батальона и так далее. Они говорят: «Мои ребята там, и я должен вернуться, чтобы им помочь, им это нужно».

Многим таким моим пациентам всего 22–23 года, они годятся мне в сыновья, и я не знаю, как бы сам повел себя в их возрасте. В 20 лет смог бы я выйти из окопа? Не факт. Но они – сильные духом люди.

– Кстати, всего ли хватает в госпиталях?

– И медикаменты, и расходные и шовные материалы есть. Но есть и нюансы, когда требуется участие волонтеров. Например – белье и

одежда, ведь, когда раненый поступает с множественными осколками, ему нужно сменить всю одежду. Так что общественники тут очень сильно помогают.

– Ну и стандартный вопрос: снова туда поедете?

– Надо ездить! Надеюсь, получится обсудить с нашим минздравом такой формат, когда можно отпустить докторов «за ленту» на добровольной основе. Из-за многочасовой нагрузки это не должны быть длительные командировки. Но такие поездки расширяют и личный диапазон: сортировка раненых, очередность операций, все становится на свои места. Основная задача – сберечь личный состав и вернуть в строй максимальное количество бойцов.

Комиссариат ведет набор на военную службу

Военным комиссариатом городов Архангельска и Новодвинска, Приморского и Соловецкого районов Архангельской области проводится отбор граждан на военную службу по контракту на воинские должности рядового, сержантского и офицерского состава.

ВОИНСКИЕ ЧАСТИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Условия контракта:

- Срок контракта – от одного года.
- Денежное довольствие – от 210 000 рублей.
- Полный социальный пакет.
- Льготы согласно Федеральному закону «О ветеранах».
- Денежная выплата 400 000 рублей от правительства Архангельской области.

- Денежная выплата при заключении контракта на срок от года и более – 400 000 рублей от Министерства обороны РФ.
- Социальные льготы для детей и семей.
- Льготная выслуга лет для выхода на пенсию, пенсия возможна при выслуге 10 лет в календарном исчислении.
- Военная ипотека.

Требования к гражданину:

- Возраст до 65 лет.
- Категория годности: «А», «Б», «В».

По вопросам приема на военную службу по контракту обращаться в военный комиссариат по адресу: г. Архангельск, пр. Троицкий, 161, каб. 21, телефон 8 (8182) 27-63-87, или в пункт отбора на военную службу по контракту (2-го разряда) по адресу: г. Архангельск, ул. Ф. Шубина, 17, каб. 17, телефон 8 (8182) 24-79-59.

СЛУЖБА ПО КОНТРАКТУ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ

ЕДИНОВРЕМЕННЫЕ ВЫПЛАТЫ

400 000 РУБ.

региональная выплата

ЕДИНОВРЕМЕННЫЕ ВЫПЛАТЫ

400 000 РУБ.

федеральная выплата при заключении контракта на срок от года и более

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ДЕНЕЖНОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ

По условиям приема на военную службу по контракту можно обратиться в военный комиссариат по месту жительства или по адресу:

г. Архангельск, ул. Федота Шубина, 17, каб. 17
или военные комиссариаты по месту жительства

8 (8182) 24-79-59